

Раздел 1. Проблематика и поэтика мировой литературы

УДК 821.14

doi 10.17072/2304-909X-2024-19-5-9

ОБРАЗ ОДИССЕЯ В СОЧИНЕНИЯХ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Александр Юрьевич Братухин

д. филол. н., доцент, профессор кафедры мировой литературы и культуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
Bratucho@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 07.11.2024

Климент Александрийский в своих трудах неоднократно обращается к образам из античной мифологии. Одним из её героев, привлёкших внимание этого христианского автора, является Одиссей. В трёх притчах-зарисовках александрийского богослова, призванных проиллюстрировать то или иное положение в христианском учении, царь Итаки предстаёт перед нами как положительный персонаж, отмечается его рассудительность и умеренность. Есть, однако, примеры, в которых его поступки рассматриваются в негативном ключе. Ситуативность использования античных образов – характерная черта Климента Александрийского.

Ключевые слова: раннее христианство, Климент Александрийский, античное наследие, Одиссей.

Климент Александрийский неоднократно говорит о некоторых языческих персонажах как о положительных примерах для христиан. Так, например, на страницах его трудов находим упоминания Одиссея, являющиеся своеобразными притчами для читателей, призванными научить их праведности. Климент был в этом отношении не первым. Ещё Иустин Философ, доказывая бессмертие души, ссылался, в том числе, на яму/ров Гомера и на нисхождение Одиссея (Iust. 1 Apol. 18, 5).

Александрийский богослов взывает к читателям: «Убежим, убежим, о спутники, от той волны: она извергает огонь. Остров зловещ: он завален костями и трупами (Od., 12, 45–46). Смазливая потаскушка, наслаждение, поет на нем, прельщает вульгарной музыкой: “Эй, Одиссей многославный, великая сила ахейцев, / Чтобы услышать чудесное пенье, направь к нам корабль свой!” (Od., 12, 184–185) Блудница восхваляет тебя, о моряк, и называет многославным; пытается завладеть

славой эллинов. Позволь ей питаться мертвецами. Тебе помогает божественное дуновение: пройди мимо удовольствия – оно вводит тебя в заблуждение. <...> Проплыви мимо пения – оно вызывает смерть. Если только захочешь, одолеешь погибель и, привязанный к дереву, будешь освобожден от всякой скверны. Слово Божье будет управлять тобой, и Святой Дух введет тебя в небесный порт» (Protr. 12, 118, 2–4). Этот пассаж имеет двойной смысл: Одиссей был привязан к мачте, что спасло его от гибели, когда он услышал Сирен (Od., 12, 178–179); под деревом у христианских писателей часто подразумевается крест Христа, спасающий людей от греха и смерти. Йована Шиякович пишет: «Хорошо известные гомеровские чудовища и безвыходные положения (dead ends) не являются объектом экзегезы. Они являются инструментом в интерпретации обычая как гомеровского чудовища и тутика [Šijaković 2021: 150].

Если в приведённом отрывке Одиссей представляет собой человека, призванного принять крещение, одного из тех «эллинов/язычников», к которым обращён «Протрептик» («Увещевание к язычникам»), то в «Педагоге» он выступает уже как мудрый вождь, карающий болтунов: «Ведь и самому голосу, как говорится, следует послужить правде, и вопящих не по делу и крикунов должно обуздывать. Так целомудренный Одиссей (ὁ σὺφρων Ὀδυσσεύς) подверг Ферсита ударам: потому что один лишь тот “<...> кричал не в меру болтливый, / Много слов буйных который душою постиг, безрассудно, / И неучтиво” (П. 2, 212–214)» (Paed. II, 7, 59, 2).

В другом месте «Педагога» супруг Пенелопы являет собою уже аскета, почти что Рахметова: «Одиссей при помощи камня устранил шатание брачного ложа (ὁ δὲ Ὀδυσσεύς τῆς νυμφιδίου κλίνης τὸ σκάζον λίθῳ ἐπανῶρθετο). Таковая умеренность (εὐτέλεια) и выполняемый своими руками труд (αὐτοουρία) практиковались не только у простых людей, но и у вождей древних эллинов» (Paed. II, 9, 78, 2). Отметим, что Климент делает «очень неточное изложение (assez inexactement résumé)» [Clément d'Alexandrie 1960: 156, п. 4] фрагмента из 23-й песни «Одиссеи».

В одной из наших статей мы отмечали, что «преобразования стихов “Одиссеи” достаточно остроумны и не похожи на lapsus memoriae. <...> получившиеся пассажи соответствуют задачам христианского автора: доказать аскетизм древнегреческого героя, <...> придать описанию Харибды inferнальный оттенок» [Братухин 2016: 7]. Климент, изменяя и интерпретируя известные стихи Гомера, превращает последние в доказательства своих мыслей. При этом он мало заботится о последовательности своих трактовок.

В самом деле, образ Одиссея у Климента весьма противоречивый. В «Протрептике» (Protr. 4, 47, 6) мы узнаём, что царь Итаки вместе с

Диомедом похитил Палладий (истукан Афины Паллады со щитом и копьем, являвшийся залогом обороноспособности полиса; ср.: *Ps.-Apoll.*, III 12, 3) и отдал его на хранение Демофонту (сыну Тесея и Федры, участнику Троянской войны, царю Афин; см.: *Paus.*, I 28, 8–9). В этом же сочинении читаем: «Остальные же <неверующие>, укоренившиеся в мире сем, как некие водоросли на морских скалах (*Plat. Resp.*, X 611d), пренебрегают бессмертием, тоскуя, подобно итакийскому старцу (Ἰθακήσιος γέρων) не по истине и не по небесному отечеству, и не по подлинному свету, но по дыму» (*Protr.* 9, 86, 2). О дыме отечества Одиссей мечтал на острове Калипсо (*Od.*, 1, 57–58), а в старца (γέρωντος) ради конспирации он был превращён Афиной уже на Итаке (*Od.* 13, 432). Впрочем, М. Эрреро де Хауреги пишет: «Климент противопоставляет смерть и дым Одиссея свету и жизни истинной небесной земли. Я не нашел параллелей для этой интерпретации» [Herrego de Jáuregui 2008: 227]. Хотя дым Итаки здесь выступает как образ негативный, гомеровские характеристики этого острова Александрийский автор в десятой главе «Протрептика» (*Protr.* 10, 109, 2) использует при описании истины: она «“суровая/каменистая (τραχέϊα)” поначалу, но “благая кормилица юношей” (ср. *Od.* 9, 27)». Йована Шиякович замечает по этому поводу, что «в пределах одного произведения эти образы могут использоваться в разном ключе (in a different key)» [Šijaković 2021: 150, note 21].

В «Строматах» Климент противоречит тому, что писал в «Протрептике» о необходимости проплыть мимо мирских соблазнов: «Но, как кажется, большинство из тех, на ком запечатлено Имя <то есть христиане>, подобно спутникам Одиссея, обращаются со словом неумело, проходя не мимо Сирен, а мимо ритма и мелодии, затыкая свои уши невежеством (ἀμαθία); ибо они знают, что, единожды подставив уши эллинским знаниям (μαθημασι), они после этого не смогут вернуться назад» (*Str.* VI, 11, 89, 1). Невежество некоторых христиан противопоставляется здесь языческим знаниям.

Про царя Итаки в нейтральном контексте у Климента говорится три раза: упоминается о его пребывании в гостях у Эола после взятия Илиона (*Str.* I, 15, 73, 6), о предсказании Телемона, прорицателя циклопов, о том, что случится с Полифемом во время скитаний Одиссея (*Str.* I, 21, 134, 3), и об освещении Афиной, держащей золотой светильник (ср. *Od.* 19, 3 4) его пути (*Protr.* 2, 35, 2). Кроме этих, отметим ещё один интересный пассаж: «во время морских путешествий отклонения от пути (намёк на странствия Одиссея?), будучи опасными и порой гибельными, в известном отношении оказываются приятными (γλυκεῖαί πως)» (*Protr.* 10, 89, 2). Следование же старым путём древнему обычаю Климент считает вредоносным. По словам Йованы Шиякович, Александрийский автор

«предлагает отклонение от традиционного курса (παρεκβάσεις), используя традиционную образность путешествия (the traditional voyage imagery)» [Šijaković 2021: 152].

Противоречивость в трактовке Климентом мифологического героя не единична. Положительные или отрицательные оценки таких персонажей ситуативны и призваны красочно раскрыть предлагаемые Климентом идеи.

По словам М. Л. Карлсон: «Античные риторы уделяли большое внимание приведению примеров и предписывали многочисленные правила их использования. Приведение примеров, действительно, является существенным для искусства убеждения. Согласно Аристотелю, пример (paradeigma) является риторической формой индукции. Пример, по его словам, может состоять из упоминания (1) исторических событий как доказательства или (2) из сравнений, придуманных оратором, таких, как соотвествия, взятые из повседневной жизни или из мифов и сказок» [Carlson 1948: 93]. И «Одиссея» предоставляет александрийскому богослову множество таких полезных примеров: «Климент ссылается на Гомера не потому, что тот скрытно говорит о Логосе и Святом Духе, а потому, что он точно представляет проблемы, присущие человеческому существованию, и способность человека быть главным средством своей собственной гибели. <...> Гомер действительно затрагивает струны в среде тех, кто имеет эллинское образование» [Šijaković 2021: 151–152].

Список литературы

Братухин А. Ю. К вопросу об интерпретации прецедентных текстов в сочинениях Климента Александрийского // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 3(35). С. 5–12.

Carlson M. L. Pagan Examples of Fortitude in the Latin Christian Apologists // Classical Philology. 1948. Vol. 43. № 2. P. 93–104.

Clément d'Alexandrie. Le Pédagogue. Livre II / Introduction et notes de H.-I. Marrou, traduction de M. Harl. Paris, 1960. 260 p.

Šijaković J. Christian Allegoresis of the *Odyssey*? // Philosophos – Philotheos – Philoponos. Studies and Essays as Charisteria in Honor of Professor Bogoljub Šijaković on the Occasion of His 65th Birthday / edited by Mikonja Knežević in collaboration with Rade Kisić and Dušan Krcunović Gnomon Center for the Humanities Matica srpska. Društvo članova u Crnoj Gori Belgrade / Podgorica, 2021. P. 145–167.

Herrero de Jáuregui M. The Protreptic of Clement of Alexandria: A Commentary. Bologna, 2008. 280 p.

THE IMAGE OF ODYSSEUS IN THE WORKS OF CLEMENT OF ALEXANDRIA

Alexandr Yu. Bratukhin

Doctor of Philology, Associate Professor in the Department of World Literature and Culture

Perm State University

614068, Russia, Perm, Bukirev str., 15.

Bratucho@yandex.ru

Submitted 07.11.2024

Clement of Alexandria repeatedly refers to images from ancient mythology in his works. One of its heroes who attracted the attention of this Christian author was Odysseus. In three parables-sketches of the Alexandrian theologian, designed to illustrate one or another position in Christian teaching, the king of Ithaca appears before us as a positive character, his prudence and moderation are noted. There are, however, examples in which his actions are viewed in a negative light. The situational use of ancient images is a characteristic feature of Clement of Alexandria.

Key words: early Christianity, Clement of Alexandria, ancient heritage, Odysseus.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Братухин А. Ю. Образ Одиссея в сочинениях Климента Александрийского // *Мировая литература в контексте культуры.* 2024. № 19 (25). С. 5–9. doi 10.17072/2304-909X-2024-19-5-9

Please cite this article in English as:

Bratukhin A. Yu. *Obraz Odiseya v sochineniyah Klimenta Aleksandrijskogo* [The Image of Odysseus in the Works of Clement of Alexandria]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2024, issue 19 (25), pp. 5–9. doi 10.17072/2304-909X-2024-19-5-9